

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ

М. А. Комова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Поступила
в редакцию
15.12.2024

Поступила
после
рецензирования
19.02.2025

Принята
к публикации
21.03.2025

Аннотация. Целью исследования является реконструкция процесса формирования коллекции предметов из дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры Орловского епархиального музея или Музея Орловского Церковного историко-археологического общества (далее – ОЦИАО).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструкции состава коллекции дореволюционного епархиального музея, в целях выявления сохранившихся экспонатов, выявления наличия в церквах Орловской епархии предметов, входивших в дореволюционное собрание Епархиального музея.

Работа написана с использованием методов системности, анализа и синтеза, хронологического метода. Это позволило изучить процесс поиска и классификации памятников древнерусской живописи и скульптуры в Орловской епархии во второй половине XIX-первой четверти XX вв.

Источниками данной работы являются неизданные материалы дореволюционных отчетов ОЦИАО. Они разрознены и упоминаются в ряде письменных источников. В них указаны поступившие в Музей предметы, их датировка и место изготовления. В результате исследования была осуществлена реконструкция перечня икон из коллекции Орловского епархиального музея (Музея ОЦИАО). Проведен анализ истории изучения церковных древностей (произведений древнерусской живописи и скульптуры), определены основные направления в развитии научного знания об их изучении в Орловском крае членами ОЦИАО. Собран, введен в научный оборот и проанализирован комплекс архивных материалов и дореволюционной документации, в которых преобладают не привлекавшиеся исследователями ранее архивные материалы, неопубликованные документы российских архивов (ГАОО, ГИМ ОПИ) и дореволюционные периодические издания из Краеведческого отдела Орловской библиотеки И.А. Бунина. Выводы основываются на научно-исследовательской работе автора в качестве аттестованного эксперта Министерства культуры РФ с произведениями иконописи и церковной скульптуры.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, ризница, древлехрамление, церковный музей, церковно-археологический кабинет, церковное искусство, произведения средневековой иконописи, поздние русские иконы, древнерусская деревянная скульптура

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Комова М. А. История формирования дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 54–82. EDN OHOHFE. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-54-82>.

© Комова М. А., 2025

Original article

HISTORY OF THE FORMATION OF THE PREREVOLUTIONARY COLLECTION OF ANCIENT RUSSIAN PAINTING AND SCULPTURE

M. A. Komova

Orel State University named after I.S. Turgenev
Address: 95, Komsomolskaya st., 302026, Orel, Russia

Received
15.12.2024

Revised
19.02.2025

Accepted
21.03.2025

History of the formation of the prerevolutionary collection of ancient Russian painting and sculpture

Abstract. *The purpose of the study is to reconstruct in the process of forming the collection of items from the pre-revolutionary collection of Old Russian painting and sculpture of the Orel Diocesan Museum or the Museum of the Orel Church Historical and Archaeological Society (hereinafter referred to as the MOCHAS).*

The relevance of the research is due to the need to reconstruct the collection of the pre-revolutionary Diocesan museum in order to identify preserved exhibits, to identify the presence of objects that were part of the pre-revolutionary collection of the Diocesan Museum in the churches of the Orel Diocese.

The work is written using the methods of consistency, analysis and synthesis, as well as the chronological method. This made it possible to study the process of searching and classifying monuments of Old Russian painting and sculpture in the Orel Diocese in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries.

The sources of the study are the unpublished materials with pre-revolutionary reports of the MOCHAS. These materials are scattered and distributed across many written sources. They contain the items received in the museum, their dating and place of manufacture. As a result of the research there was completed reconstruction of the list of icons from the collection of the Orel Diocesan Museum (the MOCHAS Museum). An analysis of the history of the study of church antiquities (artworks of Old Russian painting and sculpture) was carried out, the main directions in the development of scientific knowledge about their study in the Orel region by members of the MOCHAS were determined. A set of archival materials and pre-revolutionary documentation was collected, introduced into scientific circulation and analyzed. Archival materials previously not used by researchers, unpublished previously documents from Russian archives (GAOO, GIM OPI) and pre-revolutionary periodicals from the Local History Department of the Orel Library of I.A. Bunin predominate in these materials and documents. The conclusions are based on research work of the author as a certified expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation with artworks of icon painting and church sculpture.

Keywords: *history of the Russian Orthodox Church, sacristy, ancient repository, church museum, church-archaeological cabinet, church art, works of medieval icon painting, late Russian icons, ancient Russian wooden sculpture*

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations : Komova, M.A. (2025) History of the formation of the collection of ancient Russian painting and sculpture of the Orel diocesan museum. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.54–82. EDN OHOHFE. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-54-82>

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является максимально подробное восстановление перечня предметов из дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры Орловского епархиального музея, или Музея Орловского церковного историко-археологического общества (далее – ОЦИАО, Музей ОЦИАО), изучение процесса выявления и систематизации памятников древнерусской живописи и скульптуры в Орловской епархии во второй половине XIX – первой четверти XX века, а также выявление в современных церквях Орловской епархии предметов, проходивших как поступившие в дореволюционное собрание епархиального музея, согласно материалам ОЦИАО.

В 2024 году автор статьи был назначен научным консультантом при воссоздании епархиального музея в Орле и, имея специальную подготовку по исследованию памятников древнерусского искусства, впервые приступил к сопоставлению сохранившихся старинных предметов в новом епархиальном музее и описаний предметов из дореволюционного Музея ОЦИАО и архивных материалов.

При работе с архивными документами, обследовании собраний действующих церквей было выявлено несколько предметов, которые соответствуют дореволюционным описаниям предметов церковной старины, привезенных из региональных экспедиций членами Орловского церковного историко-археологического общества. Эти предметы ранее не были введены в научный оборот, не идентифицированы, не систематизированы, им не дана историческая атрибуция. Поэтому автор все эти исследования реализует в данной статье. Уточненный в данном исследовании перечень предметов дореволюционного Музея ОЦИАО включает, кроме старопечатных и рукописных книг, предметов русского быта и археологии, древнерусские и поздние русские иконы, русские деревянные скульптуры, меднолитую пластику религиозного содержания, а также перечень фотографий предметов из собрания. Восстановленный перечень позволит надеяться на возможное выявление части сохранившихся в фондах орловских музеев и в собраниях храмов Орловской митрополии предметов из Музея ОЦИАО. При сравнении с известным списком предметов Музея ОЦИАО, включающим произведения иконописи и скульптуры, подготовленным в 1910 г. П. С. Ткачевским, полученных автором в данном исследовании результатов становится очевидным, что список Ткачевского неполный, так как он завершается 1910 г., а музейное собрание комплектовалось до конца 1917 г. И даже в списке П. С. Ткачевского 1910 г. отсутствуют предметы, которые перечисляются на заседаниях ОЦИАК и ОЦИАО как подаренные, купленные или переданные из предыдущего собрания «древлехранилища» при семинарии. В результате проведенного исследования архивных источников и дореволюционной печати выявлено 37 предметов и 11 фотографий, наименования которых, а в ряде случаев датировка, место изготовления и стиль нам известны. Предметы распределены по разделам: коллекция икон (12 предметов); коллекция русской деревянной скульптуры XVII–XIX вв. (15 предметов); произведения древнерусской и византийской пластики (литье, резьба по камню) (10 предметов); коллекция фотодокументов и авторской графики ОЦИАО (фотографии, рисунки местночтимых икон – 11 фотографий).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Трагическая судьба коллекции старинных икон и древнерусской скульптуры, составлявших экспозицию и фонды Орловского епархиального музея, после 1917 г. наложила свой отпечаток на физическую сохранность произведений, а также на информацию о происхождении памятников, зачастую лишенных сопроводительной документации. Также в документах, введенных ранее в научный оборот, отсутствует перечень с точными наименованиями и датировкой произведений иконописи и русской деревянной скульптуры из собрания ОЦИАО. Актуальность данного исследования обусловлена существованием неизданных материалов с дореволюционными отчетами ОЦИАО, где указаны поступившие в музей предметы, их датировка и место изготовления. Эти материалы разрозненны и распределены по множеству письменных источников. Их систематизацией исследователи ранее не занимались. Поэтому требуется провести изучение материалов для восстановления списка древнерусской живописи и скульптуры из экспозиции и фондов Музея ОЦИАО. Это может помочь найти сохранившиеся в современных церковных собраниях Орловской епархии предметы из дореволюционного собрания Музея ОЦИАО, а также предоставит возможность выявить утраченные предметы и фотодокументы из восстановленного по документам перечня в фондах современного Орловского краеведческого музея.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Историей дореволюционного епархиального музея (Музея ОЦИАО), чье собрание было передано Орловскому губернскому, затем краеведческому музею, успешно занимались многие исследователи. Были, в частности, изучены персональные биографии ученых, которые формировали коллекции, занимались исследованиями памятников, изучен историко-культурный и социологический контекст музейного дела в Орле. История музейного дела и вопросы изучения древнерусской иконописи в XIX в. отражены в фундаментальной монографии Г. И. Вздорнова. Историко-культурный контекст возникновения интереса к наследию Православной Церкви раскрыт во вступительной статье к коллективной монографии (Ливцов В. А., Богатырев Р. А., Комова М. А.). Так, историк И. Л. Ашихмин и культуролог Е. Е. Свешникова достаточно подробно реконструируют становление музейного дела в период после 1917 г., приводя фамилии участников и сведения о репрессиях во время «дела краеведов», перечисляя заседания научных коллективов и указывая цифровые показатели экспонатов. Но о конкретных предметах из коллекции ОЦИАО в статьях И. Л. Ашихмина не упоминается. Археолог Г. П. Поляков в своих статьях, посвященных собранию ОЦИАО, первым исследовал архивный документ – «Доклад П. С. Ткачевского от 27 августа 1910 г.», где приведен перечень предметов Музея ОЦИАО. Но данные о предметах в его исследованиях не систематизированы, наименования и датировки не уточнены, а основной акцент поставлен на археологических находках и истории музея. Кроме того, Поляков не приводит иные архивные источники, где были бы перечислены предметы, поступившие в Музей ОЦИАО после 1910 г. Поэтому история формирования фондов и экспозиции епархиального музея, дальнейшая судьба его собрания остается недостаточно изученной, хотя поступившие в Музей ОЦИАО древности упоминались в «Орловских епархиальных ведомостях» с 1900 по 1917 г. Мало того, история конкретной музейной коллек-

ции древнерусской живописи и скульптуры в монографических исследованиях и статьях не отражена.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основе работы лежат широкий взгляд на выбор источников и междисциплинарность, позволяющие рассмотреть связь исторического процесса и предметов церковной старины (произведения древнерусской живописи и скульптуры). Был использован традиционный научный подход к исследованию с соблюдением принципа историзма, научной объективности и целостности. Для всестороннего изучения историко-культурных явлений дополнительно использовались понятия и материалы таких гуманитарных дисциплин, как история искусства, культурология, филология, музеология, теология. При написании статьи были использованы общенаучные (анализ и синтез) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-хронологический) методы; методы историографического исследования – сравнительно-исторический, историко-генетический, ретроспективный, а также перспективного анализа, аналитический и герменевтический методы.

ЧТО НОВОГО ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Было осуществлено детальное историческое восстановление перечня икон из коллекции Орловского епархиального музея (Музея ОЦИАО). Проведен анализ истории изучения церковных древностей (произведений древнерусской живописи и скульптуры), определены основные направления в развитии научного знания об их изучении в Орловском крае членами ОЦИАО. Собран, введен в научный оборот и проанализирован комплекс архивных материалов и дореволюционной документации, в которых преобладают не привлекавшиеся исследователями ранее архивные материалы, ранее не опубликованные документы российских архивов (ГИМ ОПИ, ГАОО) и дореволюционные периодические издания из краеведческого отдела Орловской библиотеки им. И. А. Бунина. Помимо изучения и анализа обширной источниковой базы, выводы основываются на многолетней личной научно-исследовательской работе автора в качестве аттестованного эксперта Министерства культуры РФ с произведениями иконописи и церковной скульптуры, включавшей их историко-искусствоведческое изучение и атрибуцию.

В 2024 году автор статьи был назначен научным консультантом при воссоздании епархиального музея в Орле и, имея специальную подготовку по исследованию памятников древнерусского искусства, впервые приступил к сопоставлению старинных предметов, сохранившихся в новом епархиальном музее, с описанием предметов из дореволюционного Музея ОЦИАО и архивных материалов. При работе с архивными документами, при обследовании собраний действующих церквей было выявлено несколько предметов, которые соответствуют дореволюционным описаниям предметов церковной старины, привезенных из региональных экспедиций членами Орловского церковного историко-археологического общества. Эти предметы ранее не были введены в научный оборот, не идентифицированы, не систематизированы, им не дана историческая атрибуция. Поэтому автор все эти исследования реализует в данной статье.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕМАТИКИ

Бытование в Орловской епархии произведений древнерусского искусства и церковной скульптуры требует дальнейшего комплексного исследования, которое предполагает поэтапную детальную реконструкцию процесса формирования коллекции дореволюционного епархиального музея в Орле, выявления части предметов, которые могут продолжать находиться в епархиальных собраниях, их исследование и введение в научный оборот; формирование современной экспозиции с опорой на традиции дореволюционного Музея ОЦИАО; выявление новых эффективных форм исследовательской и экспозиционной деятельности епархиального музея в Орле; осмысление значения музейного собрания для музейной практики и культурной жизни региона.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Перед представлением результатов исследования архивов и дореволюционной периодики, по которым можно восстановить максимально полный перечень памятников иконописи и русской деревянной скульптуры из собрания Музея ОЦИАО, проанализируем материалы, показывающие генезис и дальнейшее развитие интереса к научному изучению церковных древностей в Российской империи и, в частности, Орловской губернии в XIX – первой четверти XX века. Также нас интересует, как этот гражданский интерес привел к коллективной практике научного изучения предметов церковного искусства.

В 2024 г., согласно указу митрополита Тихона, главы Орловской и Болховской епархии, был воссоздан епархиальный музей, получивший посвящение в честь новомученика орловского Серафима (Остроумова), последнего орловского дореволюционного епископа, избранного почетным членом Орловского церковного историко-археологического общества (ОЦИАО). Современный музей был учрежден в память о существовавшем в Орле еще до 1917 г. Перед открытием нового епархиального музея в Орле работа по сбору предметов церковного обихода и искусства велась в течение года. Вновь составленная экспозиция охватывает множество памятников христианского религиозного обихода, раскрывает в деталях православное богослужение. Современный музей предлагает уникальную коллекцию движимых ценностей, отражающую многовековую историю православия, начиная от археологических предметов, относящихся к культуре союза племен вятичей до Крещения Руси, предметов периода христианизации восточной Черниговщины, бытования Верховских княжеств, становления единого Московского государства (домонгольские кресты-энколпионы, старинные копии резных древнерусских скульптур «Никола Мценский» и «Никола Болховский», иконы старообрядческих мастерских, фрагменты скульптурного декора резных иконостасов орловских церквей) вплоть до истории Русской Православной Церкви в XVIII–XX вв. (Комова, 2012, С. 11–15). Эта уникальная коллекция предметов религиозного обихода, документов и фотографий, которые никогда не публиковались и не изучались прежде. В числе данного собрания случайно были выявлены несколько старинных предметов, имеющих отношение к дореволюционной коллекции ОЦИАО.

Отметим, что в имперский период в Орле были открыты несколько музеев, в собрание которых входили произведения древнерусской живописи и скульптуры. Так, в 1897 г. в Орле возник губернский историко-археологический музей (Свеш-

никова, 2011, С. 86–93). Чуть позднее, в 1900 г., открылся музей при Орловском церковном историко-археологическом комитете – ОЦИАК (затем, с 1905 г., Музей при ОЦИАО, он же Орловский епархиальный). В фондах Музея ОЦИАО находилось более 1500 предметов, распределенных по разделам: «1) литейных произведений и икон; 2) рукописей, старопечатных книг и архивных материалов; 3) церковной утвари, шитья и предметов бытового характера; 4) археологического (памятники религиозной культуры и быта)» (Поляков, 2010, С. 53–57). П. С. Ткачевский, уточняя позицию общества по выбору предметов для экспозиции, отмечал, что «для посетителей Музея помимо древностей церковных более-менее известного времени христианской эры, представляется возможность ознакомиться как с древними христианскими же (памятниками), но более отдаленного (времени)» (Ответ Археологического общества // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1911. С. 222). В 1909 г. Музей ОЦИАО удостоился посещения председателя Императорского археологического общества и главы Комиссии по сохранению древних памятников – княгини П. А. Уваровой (Ответ Археологического общества // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1911. С. 219). Ткачевский, исходя из своих научных интересов, разделял предметы «церковного периода» (имеется в виду период русской истории XI–XIX вв.) и памятники «отдаленного времени» (надо понимать, археологические памятники христианской античности и византийского периода). Отметим, что и П. С. Ткачевский, и его коллега И. С. Комягинский (с 1909 г. хранитель Музея ОЦИАО) прошли научную подготовку в качестве слушателей Московского археологического института (Свешникова, 2005, С. 378–379). Так, Музей ОЦИАО к 1910 г. стал одним из самых крупных провинциальных музеев данного церковного профиля, сотрудники которого получили качественное для того времени научное образование.

Музею ОЦИАК положили начало следующие собрания: древлехранилище Орловской духовной семинарии, ризница Орловского архиерейского дома (далее – Архиерейский дом (двор)), древности из церквей, монастырей, пожертвования частных лиц и общественных организаций. Памятники древней иконописи и церковной скульптуры, металлического литья выявлялись членами ОЦИАО непосредственно в действующих храмах, в усадебных собраниях либо в процессе проводимых археологических раскопок, проходивших на территории Орловской и Севской епархии (Голотвин, 2019, С. 452–467). Музейные экспонаты были распределены по разделам: археологический (более 420 предметов), церковное шитье (богослужебные облачения, покровцы, плащаницы), церковно-обиходный (с памятниками русской деревянной скульптуры XVIII–XIX вв. и фрагментами иконостасов и царских врат, резных крестов), металлическое литье (богослужебные предметы, иконные металлические складни), региональное иконное наследие (более 70 предметов). Отдельным музейным разделом была археологическая коллекция «крестов, складней, панагий и энколпионов, включавшая свыше 800 предметов, подаренная местным любителем и знатоком старины Л. И. Пуциным», внуком декабриста, орловским старожилом, построившим знаменитый в Орле «Дом с грифонами», где специальный зал был предназначен для хранения древностей (ГАОО. Ф. 711. Оп. 1. Д. 2. Л. 18. Опись коллекции Л. И. Пуцины). Собрание древностей Л. И. Пуцина, переданное в Музей ОЦИАО, было размещено в «специальных витринах» (Сводный отчет ОЦИАО за 1910, 1911 и 1912 гг. / Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). К сожалению, из обшир-

ной пушинской коллекции древностей в современном Орловском краеведческом музее выставляются только коллекция традиционной русской одежды и старинные предметы обихода и мебели. Предметы религиозного назначения из коллекции Л. Пушина не сохранились. Во всяком случае, нет перечня, отношение которого в ОКМ была бы задокументирована как ранее принадлежавшая Л. И. Пушину. Это связано с историей собрания и идентификацией предметов из собрания ОКМ, который был преемником нескольких последовательно сменявших друг друга музеев в первой трети XX в.: Музея ОЦИАО, Орловского губернского, Историко-художественного.

В 1917 г. собрание Музея ОЦИАО было спасено благодаря активности секретаря ОЦИАО И. С. Комягинского, который в 1918 г. написал письмо в Московское областное управление архивным делом с просьбой прислать охранную грамоту губернскому музею (ГИМ ОПИ (Государственный исторический музей. Отдел письменных источников). Ф. 54. 874. Л. 33–37). Другой активный член ОЦИАО – П. С. Ткачевский, занимая должность хранителя музея, передал в Орловский губернский музей многие экспонаты, дополнив коллекцию предметами, собранными в региональных церквях и усадьбах (Ткачевский П. Орловский музей при Губнаробразе // «Наша работа»: журнал-ежемесячник. 1920. Февраль (№ 1). С. 121–124). Губернский музей с обновленной экспозицией был открыт только в 1919 г. под новым наименованием – «Историко-художественный» (Ашихмин, 2022, С. 79–81). В 1925 г. был образован объединенный Орловский государственный музей с филиалами: историко-художественным, Тургеневским и естественно-историческим, руководство которым было поручено П. С. Ткачевскому. Именно на его базе в 1932 г. был создан Орловский краеведческий музей (Ашихмин, 2022, С. 26–33). В 1937 г. часть коллекции предметов культа передана в новоучрежденный Орловский антирелигиозный музей, располагавшийся в Богоявленской церкви в Орле, который был закрыт в 1941 г., перед оккупацией. Судьба его многих экспонатов неизвестна. Некоторые из них вернулись в церкви, где до революции сложилось их местное почитание, например русская деревянная скульптура «Никола Мценский» (конец XVII в.) из Никольского собора г. Мценска (Комова, 2017, С. 88–90). Отставка и последовавший арест П. С. Ткачевского по «делу краеведов» в 1927 г., невозвращение из эвакуации в период Великой Отечественной войны ряда музейных предметов привели к полной утрате коллекции икон и русской деревянной скульптуры из бывшего собрания Музея ОЦИАО (Поляков, 2010, С. 127–129).

В последующий советский период история собрания древнерусской иконописи и скульптуры не изучалась. Только в 2003 г. вышел «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны» (далее – Каталог). Том № 9 Каталога посвящен утраченным иконам из собрания Орловского краеведческого музея. Среди перечисленных в каталоге 36 икон и богослужебных предметов по атрибутивным данным можно узнать несколько ранее зафиксированных в коллекции дореволюционного Музея ОЦИАО. К сожалению, в Каталоге не указаны данные о поступлении предметов в краеведческий (ранее историко-художественный) музей (только одна запись раскрывает имя заказчика – «помещик Бардин, масон»), отсутствует фотофиксация (исключение – икона Богоматери Казанской в жемчужном окладе, XVIII в., кат. 181; крест на престольный, серебро, жемчуг, XVII в., кат. 203). Отсутствие данных о судьбе и полном списке

иконной коллекции дореволюционного Музея ОЦИАО побудило автора изучить данный вопрос.

Организации музеев в Российской империи в XIX в. предшествовали исторические предпосылки формирования общественного интереса к древностям российским. Особым фактором следует назвать высокое патриотическое настроение, возникшее в русском обществе после победы над войском Наполеона в Отечественной войне 1812 г., связанное как с национальными триумфами и победами, так и с просветительством и культурным развитием страны. Начало XIX в. в России было ознаменовано значительным возрождением религиозной жизни, усилением православия и его роли в российском обществе, что сопровождалось интересом к историческому наследию Православной Церкви, включая церковные древности. Следующим фактором надо назвать духовное просвещение: в этот период активно развивается образование, включая духовное образование, раскрывающее историю Православной Церкви и ее материального и духовного наследия (Ливцов, Комова, Богатырев, 2022, С. 80–81). Третьим фактором, приведшим к интересу к археологическим древностям, был рост национального самосознания, приведший к формированию русской национальной идентичности. В середине – второй половине XIX в. это повлекло активный интерес к русской иконописи как актуальному символу православия, предвосхитивший ее научное открытие в XX в.

Культурные и исторические памятники, в том числе церковные художественные древности, к середине XIX в. стали рассматриваться как проявление русской национальной культуры и ее исторических достижений. В этот период развивался интерес к архитектуре и искусству, включая религиозную архитектуру и религиозную живопись (иконопись, фреска, пластика малых форм). Церковные древности стали рассматриваться как национальное достояние, символизирующее величие и красоту русской культуры, как отмечал известный искусствовед Г. И. Вздорнов в монографии «Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи» (Вздорнов, 2006, С. 10–15). Все эти исторические предпосылки способствовали формированию общественного интереса к церковным древностям и местночтимым святыням в России, в том числе в Орловской губернии, к середине XIX века.

В 1820-е гг. в Орловской епархии начали активно изучаться особые для религиозной культуры края места, связанные с прославлением местночтимых икон. Изучение памятников древности тогда предпринималось еще не с целью коллекционирования (как сбор древних экспонатов для древлехранилищ и ризниц), а в первую очередь для возобновления знаний о памятниках церковной старины с просветительскими целями, связанными с религиозной практикой и паломничеством к святым местам. Ярким эпизодом представляется изучение обстоятельств появления регионального почитания святых мест, в частности древнего колодца на Мценском городище как места явления резной иконы Николая Ратного. Применительно к этому периоду относится деятельность преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского (Василия Федоровича Розанова (1781–1858), который впервые пересказывает в своей публикации древнюю легенду о явлении иконы Николая Чудотворца на горе Самород и обновлении древнего колодца на месте обнаружения древнерусской деревянной скульптуры во Мценске (Письмо «От Преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского – О тайнике, найденном в городе Мценске» от 2-го Апреля 1825 г. // Отечественные записки. Ч. 22. 1825. С. 429–440). Чуть позже, в 1881 г., в сказе «Левша» писатель Н. С. Лесков

напомнил о почитании во Мценске этой известнейшей в России иконы-скульптуры Николая-угодника. Этот резной образ, помещенный в городском Николаевском храме, считался реликвией. Жители Орловской епархии традиционно считали Мценск «домом Святого Николы», названным так в честь центрального собора города, где находилась святыня. В паломничество к известной иконе из дальних губерний приходили люди.

В Орловской епархии начинаются работы по системному сбору исторических сведений о региональных церковных древностях. Проводится анализ доступного материала, включающего историю древностей и местночтимых икон, информацию о которых получали в результате региональных поездок и опроса прихожан храмов. Этот период был важным для сохранения исторической памяти. С 1865 года составление настоятелями храмов Орловской епархии церковных летописей стало обязательным. Выдержки из них неоднократно публиковались в «Орловских епархиальных ведомостях». Тогда же были опубликованы материалы об иконе Троицы из Преображенской церкви г. Орла, сообщающие об истории бытования иконы, о деталях ее почитания и прославления (Об иконе Пресвятой Троицы, находящейся ныне в Преображенской церкви г. Орла // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 3. С. 111–115). Описание иконы касается в основном точного размера и драгоценного оклада, что было характерно для описания икон в XIX в. Отсутствует фиксация деталей иконографии и стиля. В том же году начинают печатать монументальный труд Иерофея, архимандрита Свенского монастыря, посвященный истории монастыря и его святыням, в первую очередь древней иконе 1288 г., где даются обширные сведения об историко-культурном контексте бытования святыни. Текст ориентирован на пересказ позднесредневекового «Сказания о зачатии Свенского монастыря», а также на значительный архивный материал (монастырские летописи, синодик, архивные документы) (Иерофей, архимандрит. О Свенской чудотворной иконе // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 6. С. 234–243).

С середины XIX в. в Российской империи создаются епархиальные музейные собрания и древлехранилища. В 70-е гг. XIX в. церковные музеи при духовных академиях и семинариях были немногочисленны и невелики, а доля произведений иконописи и церковной скульптуры была мала (например, в большинстве храмов после знаменитого указа императора Петра I 1722 г. были утрачены русские деревянные скульптуры, исключая разрешенные изображения Распятия Христова). Но уже на рубеже XIX–XX вв. в губернских городах ученые из архивных комиссий, епархиальных церковно-археологических комитетов и обществ, ставя целью сохранение исторического и культурного наследия православия и его популяризации среди верующих и широкой общественности, а также публикацию памятников древней письменности и описания древностей, участвовали в создании епархиальных музеев. Епархиальные музейные собрания часто приходили на смену древлехранилищам, где хранились старинные предметы, вышедшие из церковного употребления.

На рубеже XIX–XX вв. сформировалась необходимая информационно-культурная среда, что ознаменовалось созданием научных сообществ по изучению церковных древностей как в столице, так и в Орловской губернии. В этот период происходило активное становление деятельности историко-археологических обществ в регионах, каждое из которых выпускало свои печат-

ные материалы. Так, для «изучения и охранения старины» в Российской империи по разработке видного российского ученого-историка и источниковеда Н. В. Калачова в регионах были созданы губернские ученые архивные комиссии (в Орле – Орловская ученая архивная комиссия (ОУАК) 1884 г. основания), и позднее, в 1900 г., был создан Орловский церковно-археологический комитет (ОЦАК), который дал начало с 1905 г. Орловскому церковному историко-археологическому обществу (ОЦИАО) (ГАОО. Ф. 711 (Орловское церковное историко-археологическое общество)). Участники региональных научных обществ собирали художественные древности, которые затем были объединены в музейные собрания (Поляков, 2010, С. 171–175). Этот процесс был ответом на открытие двух крупнейших музеев Российской империи: Третьяковской галереи в Москве (1892) и Русского музея в Петербурге (1898) (Вздорнов, 2006, С. 13–18).

Согласно докладу члена ОЦИАО И. Е. Евсеева, появлению в Орловской и Севской епархии публичного музея церковных древностей предшествовал единовременный крупный дар в виде старинных церковных книг, икон и богослужебных предметов в 1780 г. Дар поступил от архимандрита Досифея, ректора Севской семинарии, которая располагалась в Севском Преображенском монастыре, где ранее располагался и Архиерейский дом. Художественные древности хранились совместно с книжными в «пожертвованном древлехранилище» при семинарской библиотеке еще 100 лет, даже тогда, когда семинария была переведена в Орёл. Евсеев установил: «В 1893 г. по инициативе ректора духовной семинарии, протоиерея В. А. Сахарова, древлехранилище было выделено из библиотеки, а заведывание им принял на себя преподаватель семинарии И. А. Богданов. В 1893–1895 гг. в это древлехранилище довольно обильно поступали пожертвования от преподавателей, учеников, духовных и светских лиц, но потом поток пожертвований стал сокращаться и наконец совершенно прекратился. Ввиду этого, а также ввиду организации Музея при Орловском Церковном Историко-Археологическом Обществе (ОЦИАО), Правление семинарии признало... передать древлехранилище в Музей Общества» (4-е и 5-е очередные заседания Орловского Церковно-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 50. 1905. С.1337).

Новый музей был размещен в помещении старинной надвратной Петропавловской церкви при Архиерейском доме (Ливцов, 2019, С. 95). Храм этот был сооружен в 1693 г. еще в бытность игумена Евфимия, строителя Успенского монастыря. С 1755 г. церковь числилась домовою, так как была без прихода, в ней на службе находились только схимонахи. При реорганизации Орловского Успенского монастыря в Архиерейский дом Петропавловская церковь была упразднена и отдана под жилое помещение, где некоторое время располагался ремесленный приют, а затем музей Орловского церковного историко-археологического комитета (ОЦИАК), о чем отмечалось в епархиальной печати (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 38. 1901. С. 6).

В вышеназванной монографии учеными ОЦИАК публиковались данные о старинных иконах, получивших особое церковное почитание: о местнотимой иконе «Троица», которая «очень древняя, в среброзлаченной ризе, знамения от коей признаны Св. Синодом и в архиве Консистории имеются» (Приложение. Описание

церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1902. С. 82); о еще двух местночтимых списках икон Богоматери – Владимирской и «Достойно есть», привезенной с Афона в 1900 г. (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 14–15. 1902. С. 101–104); о старинной местночтимой крупноформатной иконе Богоматери «Взыскание погибших» XVIII в. из Георгиевской церкви г. Болхова (Предстоящие Церковно-Археологические чтения // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1902. С. 1778). Детализированные сведения, собранные учеными ОЦИАК о старинной местночтимой иконе «Успение Пресвятой Богородицы» («письма древне-византийского»), почитаемой в Успенском соборе Орловского Успенского монастыря с 1688 г. (далее – Архиерейского дома), можно использовать для современной атрибуции этого памятника иконописи (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 39. 1901. С. 25–26). Автор ранее в монографии исследовал данную икону и пришел к выводу, что она представляет собой древний список XVII в. с известной московской святыни – иконы «Успение Богоматери (Облачное)» 1479 года из местного ряда центрального иконостаса Успенского собора Московского Кремля. Эту кремлевскую икону нередко копировали и передавали в провинцию в виде царских вкладов, так как Успенский собор и его иконостас были эталонными для многих храмов Успенского посвящения позднесредневекового Московского государства. Эти вклады осуществляли государство-объединительную функцию через посредство копирования православных святынь. Совпадают размеры икон (Орловская икона вертикального формата – 178 x 138, московская вертикального формата – 179 см по большей стороне) (Комова, 2012, С. 74–75). В данное время крупноформатная икона «Успение Богоматери», перевезенная в качестве благословения из Орловского Богоявленского монастыря в новый Успенский в последней четверти XVII в., утрачена.

Члены ОЦИАК готовили исследования для презентации экспозиции музея и раскрытия через предметный ряд темы христианского просвещения Орловской земли. Они собирали материал, делали доклады и публиковали исследования в духе иконографической школы рубежа XIX–XX вв., ставя акценты на раскрытии текстов сказаний об иконах и содержания иконографических композиций. Тогда А. И. Георгиевский прочитал реферат «О происхождении типа иконы «Взыскание погибших» и древнейших типов с нее», вероятно уделив внимание одной из старинных местночтимых икон Богоматери одноименного иконографического типа из болховской Георгиевской церкви. Последняя отличалась от московского иконографического типа наличием белого плата на главе Богоматери, отчего называемой в Болхове «покровенной». После обсуждения реферата Георгиевского И. Е. Евсеев сделал предложение «о фотографировании всех местночтимых икон и составления описания их» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 50. 1904. С. 1218). Самим И. Е. Евсеевым было исследовано произведение древнерусского литья с изображением св. Никиты («литой образок» 42 x 38 мм), подаренное А. И. Георгиевским Музею ОЦИАК (здесь назван «Орловский Археологический музей»). В опубликованном докладе, «читанном в

Церковно-археологическом собрании 11 ноября 1904 г.», Евсеев уделил внимание апокрифическим и фольклорным источникам иконографии. Он минует стилистическое описание предмета, проводит датировку, исходя из палеографии – XIV в., учитывая собственную склонность к филологическим исследованиям (Привесный образок с изображением св. великомученика Никиты // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1904. С. 1108–1113).

Период с последней четверти XIX – первой четверти XX в. можно назвать профессиональным этапом в открытии и выявлении региональных памятников церковной старины, так как в крае появляются ученые, которые получают специальное образование в столице, посещают археологические съезды, что помогало становлению научного изучения церковных древностей в Орловской епархии. Публикуются первые региональные научные работы по «древлеведению», т. е. дисциплине, специализирующейся не только на вещественных остатках прошлого, к которым относятся и памятники древнерусских письменности и книжности, архитектуры, древнерусской живописи и скульптуры, прикладного искусства.

Систематизацией полученных научных знаний в области истории и археологии в этот период занимались представители просвещенного дворянства. Так, Г. М. Пясецкий (1838–1900) был одним из ярких его представителей, принимавшим в дальнейшем в числе других авторов участие в изданиях Орловского церковного историко-археологического общества. В «Орловских епархиальных ведомостях» были впервые опубликованы главы труда Г. М. Пясецкого «История Орловской епархии», где отдельная глава была посвящена церковным древностям: почитаемым «иконам, крестам, утвари храмовой и облачению сана духовного» (Пясецкий Г. М. Священные древности Орловского края от времени зависимости его от Черниговских и Рязанских епископий // Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 10. С. 1050–1061). В 1869 г. Г. М. Пясецкий впервые систематизирует сведения о местночтимых древнерусских иконах и святынях (Пясецкий Г. М. (Г. П.). О явленных явлениях и чудотворных в пределах Орловского края, в период зависимости его, от Черниговской и Рязанской епископий (до XV века) // Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 10. С. 655–662). Тогда же краевед публикует материалы о почитании одной из известных региональных святынь на основе материалов из консисторского архива Орловской епархии (Пясецкий Г. М. (Г. П.). Выписка из дел консисторского архива о чудотворном образе Св. Чудотворца Николая, находящихся во Мценском Николаевском соборе // Орловские епархиальные ведомости. 1869. № 14. С. 1074–1076).

Печатным органом ОЦИАО стали «Орловские епархиальные ведомости», освещавшие всю его деятельность. После образования по указу Святейшего Синода ОЦИАО члены общества также занимались исследовательской деятельностью по выявлению и описанию региональных святынь, произведений иконописи, изучению их бытования. Бывший председатель общества И. Е. Евсеев высказывает в своей публикации предположение о более древней датировке первой половиной XII в. известной иконы Богоматери «Свенская Печерская», современная датировка которой совпадает с датой, указанной в «Сказании о зачатии Свенского монастыря», – 1288 г. Более подробно брянское сказание исследуется в публикации ОЦИАО (Чудотворная икона Свенской Божией Матери в Свенском, Брянского уезда, монастыре и ея писатель св. Алипий // Орловские епархиальные ведомости. № 24. 1911. С. 704–709), где автор приписывает создание иконы Богоматери Свен-

ской известнейшему киевскому иконописцу монаху Алипию, тем самым значительно удревняя икону, присланную брянскому князю, и предполагая, что прислали не копию, а древний киевский оригинал XI в. Другой святыне Орловской епархии – иконе Богородицы Казанской, привезенной в монастырь в 1620 г. в качестве дара от царя Михаила Федоровича, посвящен очерк одного из членов ОЦИАО (Н.Т.) Чудо милости Божией, явленной от образа Казанской Божией Матери, находящейся в Пощанской пустыни Севского уезда Орловской губернии // Орловские епархиальные ведомости. № 27–28. 1915. С. 677–679).

Мценскому местночтимому образу св. Николая также посвящено исследование В. Адамова, преподавателя Мценской гимназии, члена ОЦИАО (Адамов А. Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк в предстоящему 500-летию со дня обретения его. 1415–1915» // Орловские епархиальные ведомости. № 18. 1915. С. 445–455). Адамов, ссылаясь на ставшую уже образцом монографию Г. М. Пясецкого, предполагает, что икона древнее 1415 г., что она могла быть доставлена по речному пути во Мценск из Киева вместе с миссией священномученика Кукши Печерского. Многие позиции исследователей начала XX в. строились на догадках и предположениях. Все они опровергаются исследованием оригинала скульптуры «Никола Мценский». От сохранившейся во Мценском Петропавловском соборе русской деревянной скульптуры осталась только голова и торс на уровне плеч (первоначальная высота была более 200 см). Утраты произошли после 1917 г., когда она была вывезена из Мценска в Орёл, в 1937–1941 гг. она находилась в антирелигиозном музее, потом ее вернули во Мценск. Она оказалась по стилистически-иконографическим особенностям характерной для русской традиции скульптурой «на рези в киотцах» конца XVII в., произведенной в московских царских мастерских, и имеет аналоги в ряде музейных собраний РФ. Почитание данной резной иконы отражено в одном письменном источнике – «Легенде о крещении Мценян в 1415 г.». Но филологическое исследование данного текста показало, что он оформился на рубеже XVII–XVIII вв., через пару десятилетий после того, как новую скульптуру впервые привезли во Мценск в дар построенному каменному Никольскому собору в 1680-х гг. (Комова, 2017, С. 88–90).

На заседаниях ОЦИАК упоминались редкие старинные иконы, которые выкупались из частных собраний для пополнения коллекции музея. Исходя из опубликованных списков таких закупок, мы можем составить представление о фонде икон музея при Орловском архиерейском доме. Так, на заседании ОЦИАК были перечислены следующие древности: «древний образ Воскресения Христова в металлической ризе, 4 x 4 вершка (17,6 x 17,6 см); шитый образ Благовещения (Богородице); образ Богородицы «О тебе радуется» (древняя копия знаменитой иконы С. Ушакова); образ св. Стефана Сербского, написанный на камне» (Заседание Церковно-Археологического комитета // Орловские епархиальные ведомости. № 48. 1904. С. 1151–1152). Из кратких описаний перечисленных предметов следует, что они относятся к традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени: почитание Стефана Сербского (1377–1427) на Руси появляется уже в XV в., но его иконы в этот период были редки, поэтому орловская икона, вероятно, более позднего периода; списки известных произведений иконописца С. Ушакова, выполненные в узнаваемом живоподобном стиле, были распространены и в петровское время, образы Анастасис в русской иконописи получили широкое распространение в XVII–XVIII вв. В 1911 г. также на средства ОЦИАО председателем было

выкуплено «несколько старинных икон и крестов» (Отчёт о деятельности ОЦИАО за 1908–1909 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1911. С. 312). На следующем заседании ОЦИАК упоминается о новом приобретении – «иконе Божией Матери западного типа XVII–XVIII вв.», о чём было опубликовано позднее (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 51. 1904. С. 1243–1253). По таким параметрам можно искать иконы из дореволюционного Музея ОЦИАО в местных церковных и музейных собраниях, учитывая неполноту наших знаний о точном перечне собранных до 1917 г. предметов.

Точными описаниями предметов церковного искусства из собрания ОЦИАО отличаются рефераты и статьи ученых. Некоторые из них были опубликованы в «Епархиальных ведомостях». Так, А. И. Георгиевский представил реферат о находящейся в музее общества иконе Флора и Лавра, покровителей лошадей, придя к выводу, что данный образ принадлежит русской традиции, а не византийской (Георгиевский А.И. Об иконе Флора и Лавра из Музея Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 51. 1905. С. 1379). Почетный член ОЦИАО А. Е. Попов сделал сообщение о ценном поступлении в музей – «кресте дочери Царя Михаила Федоровича Великой Княжны Татьяны Михайловны» (6-е заседание Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 11. 1913. С. 350). Крест принадлежал ранее представительнице царского рода Романовых Федоровича Татьяне (1636–1706), жертвователю ряда региональных храмов рубежа XVII–XVIII вв. В частности, на ее вклад был построен собор Воскресенской Тихоновой пустыни в г. Карачеве. Мы можем предположить, что предмет мог происходить из регионального собрания.

Музей ОЦИАК (а затем и Музей ОЦИАО) на протяжении всего периода своего существования принимал в дар старинные предметы искусства, а также копии и авторские эскизы иконографических композиций, связанных с историческими событиями. К собиранию предметов из церквей епархии добавились и меценатские вклады, когда «многими частными лицами собирались коллекции икон, крестов, монет, русских выставок и прочее, а антиквариями скупались и перепродавались различные предметы старины в другие города» (Ткачевский П.С. Орловский музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе: Доклад от 27 августа 1910 г. Копия с рукописи. Л. 1–30). Например, член общества А. Н. Шульгин, генерал от инфантерии, «предложил собранию собственноручный рисунок иконы (хоругви) Грузинской Божией Матери, сооруженной в полку, которым командовал А. Н. в 1877–78 г., в воспоминание победоносного перехода через Дунай. Этот рисунок был принят собранием для руководства перед сооружением иконы св. Кукши» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1905. С. 194). Из данного текста следует, что Музей ОЦИАО также пополнялся иконами современного письма. Учитывалась связь с культурой Орловщины, например с почитаемыми на Орловщине святыми (образ священномученика Кукши Печерского, первого известного в верхнем Поочье православного миссионера). В дальнейшем было решено заказать для ОЦИАО икону священномученика Кукши в мастерской Киева (Журнал заседания Церковно-Археологического Комитета 5 марта 1905 г. // Орловские епархиальные ведомости. № 14. 1905. С. 418–419). В 1909 г. смотритель I Орловского духовного училища (которое располагалось на территории Орловского архиерейского дома (Жарков, Ливцов, Лепилин, 2007, С. 10–15))

Н. А. Павловский в дар обществу передал «икону Спасителя и Апостолов на Тайной вечере» (Отчёт о деятельности ОЦИАО за 1908–1909 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1911. С. 312).

Также в дар было принято «резное изображение явления Сергию (Богоматери) и Варвары» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 261–264). Здесь упомянут характерный для русской паломнической культуры деревянный рельеф небольшого формата, происшедший из мастерских Троице-Сергиева монастыря и выполненный в конце XIX – начале XX в. Резной образок изображал событие из жития Сергия Радонежского, когда ему с учеником Михеем во время молитвы явилась Богоматерь, которую сопровождали апостолы Петр и Иоанн. Традиционно размер таких икон не превышал 25 см по большей стороне. Резной образок с фигурой св. Варвары (обычно в рост с чашей в руках) являлся характерной паломнической реликвией XIX в., привозимой русскими путешественниками из Киева (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1905. С. 194). Именно там, в соборном храме Михайловского Златоверхого монастыря, несколько столетий находились мощи великомученицы Варвары, одной из самых почитаемых в Киеве святых. Резной паломнический образок характерного исполнения и размера (13 см по большей стороне), похожий на поступивший в музейное собрание в 1905 г., был найден в ризнице Никитско-Ахтырского собора в г. Орле; сохраняется в новом епархиальном музее. Подобные резные иконы известны по публикациям собрания в каталогах Государственного исторического музея.

В 1905 г. председатель ОЦИАК А. И. Шульгин в дар музею передал «4 археологических предмета: энколпион, камю, голову с нимбом, образок мастичный преподобных Печерских святых Антония и Феодосия» (Журнал заседания Церковно-Археологического Комитета // Орловские епархиальные ведомости. № 19. 1905. С. 551–552). Из перечисленных предметов следует отметить крест-энколпион, аналоги которого чаще встречались в древнерусский период XI–XV вв. (позднее появляются псевдоэнколпионы – двусторонние предметы, которые не открываются для вложения святыни); камю (скорее всего, античного происхождения); скульптурную голову святого «с нимбом», принадлежность которой невозможно без наличия подробного описания определить; икону преподобных Антония и Феодосия Печерских, выполненную в виде рельефа из специальной восковой мастики (встречалась чаще в византийской традиции), вероятно нанесенной на иконную доску миниатюрного формата. Иконка с преподобными могла быть как домонгольского периода, но не ранее 1288 г. (исходя из первого известного парного изображения печерских преподобных), так и XVI–XVII вв. Именно тогда культ печерских святых активнее распространялся в Московской Руси не только благодаря переизданию Патерика, но и благодаря распространению почитания региональной святыни из Брянского Свенского монастыря – иконы Богоматери «Свенская-Печерская», где в композиции со свитками в руках преподобные Антоний и Феодосий Печерские стоят по обе стороны от Богоматери с Богомладенцем, восседающих на высоком троне (датировка оригинала по первому прославлению – около 1288 г.). Активное почитание оригинала иконы началось с 1560-х гг., после прославления в Москве и возвращения в Свенскую обитель (Антонова, Комова, 2015, С. 185–187).

Крупные пожертвования были приняты в древлехранилище ОЦИАО в 1910–

1912 г. Среди предметов, поступивших в собрание музея, были: «резные статуэтки Спасителя с предстоящими конца XVIII в. из Благовещенской г. Болхова церкви, чрез П. С. Ткачевского; икона Палиховского письма конца XVIII в. Успение Пресвятой Богородицы (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Т(качевского); образ Спасителя, писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба, от о. И(льи) Ливанского; образ Корсунской Божией Матери, монастырское письмо 2 половины XVIII в., от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Т(качевского); образ Божией Матери на дереве с басмой, от В. И. Чичерова, XVII–XVIII вв.» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). Исходя из данного описания икон, следует пояснить, что икона «Успение Богоматери» происходит из позднего русского иконописного центра в селе Палех Владимирской губернии (конец XVIII в.), стиль которого чаще всего тяготеет к миниатюризаци (поздний русский «неострогановский стиль»); образ Спасителя (вероятно, «Вседержитель») «писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба» (от прот. Ильи Ливанского); икона Богоматери «Корсунская» монастырского письма (позднее русское живоподобие), вторая половина XVIII в.; икона Божией Матери на дереве в басменном окладе, XVII–XVIII вв. (русская традиция, возможно, живоподобная). К 1917 г. пожертвования памятников иконописи в Музей ОЦИАО практически прекратились. Последний дар зафиксирован в объявлении от ОЦИАО о «ценном по древности и изяществу работы образе св. Иоанна Предтечи (от Комягинского Г.)» (В Церковном Историко-Археологическом Обществе 30.10.1917 // Орловские епархиальные ведомости. № 44–45. 1917. С. 410).

Исследователи ОЦИАО регулярно совершали поездки по епархии для проведения археологических раскопок и исследования местных церковных и усадебных собраний древностей с целью приобретения новых экспонатов для музея. В таких поездках встречались интересные для исследований произведения древней иконописи и церковной скульптуры. Так, П. С. Ткачевский, пребывая в Болхове, отметил, что в Троицкой церкви «достоеен особенного внимания иконостас, а в соборной – вырезной образ Николая Чудотворца, сооруженный в Новгороде при Московском Великом Князе Василии Ивановиче» (Сводный отчет о деятельности Орловского Церковного Историко-Археологического Общества за 1910, 1911, 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 23. 1913. С. 699). Данная русская деревянная скульптура уже попадала в поле зрения исследователей ОЦИАО в 1905 г. Но тогда в издании была приведена другая датирующая скульптуру надпись: «резной образ святителя Николая, изображающий великого угодника во весь рост. Образ, несомненно, очень древний. Из надписи, сделанной на доске, к которой образ прикреплен, видно, что он вывезен из Новгорода... (что) освящена доска сия в Новгороде при благоверном князе Иоанне Васильевиче, при архиепископе Александре Великого Новгорода. Икона эта особо чтима» (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 8). В 1914 г. участники выездного заседания ОЦИАО отчитались: «Из достопримечательностей храма необходимо отметить икону Святителя Николая, во весь рост (более 5-ти пудов веса (т. е. более 82 кг)) – вывезена из Новгорода во времена Иоанна Грозного» (Поездка членов Орловского Церковного Историко-Археологического Общества в г.г. Болхов и Мценск // Орловские епархиальные ведомости. № 46. 1914. С. 1193).

Отметим, что данная методика датировки памятника – по сопровождающим его надписям или местной легенде – не выдерживает научной критики. В одной надписи содержится датировка временем правления великого князя Василия III (1505–1533), отца Иоанна IV Грозного; в другой – временем правления царя Иоанна IV Грозного (1547–1584) и архиепископа Александра Бердова (1576–1586). Первая резная скульптура, изображающая св. Николая Чудотворца («можайский тип» с мечом в левой руке), появилась во Пскове, затем в Новгороде в 1540 г. Но в XVII в. подобные скульптуры часто копировались царскими мастерами и рассылались в русские города-крепости. Если датировать болховскую скульптуру по надписям и указанным персонажам (времени их правления), то выходит период с 1547 по 1584 г. Но при обследовании собраний болховских храмов вышеназванная икона была найдена во Введенской церкви, куда была перенесена из соборного храма в XX в. Оказалось, что скульптура имеет общие стилистические признаки с резными скульптурами последней четверти XVII в. московского происхождения (с той же скульптурой «Никола Мценский», конец XVII в.), соответственно, имеет отношение к иной культурной традиции и привезена значительно позже по сравнению с датой, указанной исследователями ОЦИАО (Комова, 2017, С.88–90). Так же как и в случае со скульптурой «Никола Мценский», в Болхове могло сложиться церковное сказание, удревняющее историю местной иконы, либо до Смутного времени в Преображенскую церковь середины XVI в. (изначально деревянную), которая находилась в центре построенного при царе Иоанне Грозном Болховском кремле в 1556 г., была привезена резная икона в киоте «Никола Ратный». Скульптуры XVI в. крупнее и тяжелее, размером восходят к оригинальной можайской скульптуре XIV в. (хранится в Третьяковской галерее), от которой началось почитание скульптур св. Николая Чудотворца с мечом и крепостью в руках. Предметы в руках святителя указывают на его функцию защитника города. Изначально устная легенда о спасении города от нашествия неприятеля сложилась в г. Можайске. Эту легенду хорошо знали и в Орловской епархии, пересказав ее на страницах издания, отмечая, в частности, что «святитель явился в таком виде, стоящим на воздухе (в небе) над собором, когда на Можайск напали неприятели, и это явление жителей города ободрило, а врагов устрасило, так что они тотчас бежали» (К Мценским торжествам // Орловские епархиальные ведомости. № 22. 1915. С. 552–553). Популярность можайской легенды и распространение киотных скульптур св. Николая Чудотворца повсеместно в Московском государстве в XVI–XVII вв. объясняет наличие местного почитания резных икон во Мценске, Болхове и Орле. Из местных храмов несколько старинных русских деревянных скульптур были переданы в Музей ОЦИАО.

Отметим, что «Описание музея церковных древностей» (включавшее список художественных предметов религиозного назначения), которое изготовил «член Общества П. С. Ткачевский, состоявший студентом Московского Археологического института для получения ученого звания», упоминается в его отчете в «Орловских епархиальных ведомостях». В отчетный период некоторые из предметов древлехранилища ОЦИАО участвовали в Художественно-промышленной выставке в Орле «в качестве показателей чисто русского старинного искусства» (Отчет о деятельности ОЦИАО за 1910, 1911 и 1912 гг. Орловские епархиальные ведомости. № 29. 1913. С. 835). Ткачевский указывал, что произведений иконописи в музее достигло 70. Коллекция икон Музея ОЦИАО содержала также произведения

поздних региональных школ иконописания XVI–XVIII вв., исходя из описания П. Ткачевского, «писанных на полотне и дереве», среди которых «немного образов... московской, новгородской и строгановской школ. Есть работы, исполненные местными мастерами-иконописцами для нужд церкви и дома» (Ткачевский П.С. Орловский музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе: Доклад от 27 августа 1910 года. Копия с рукописи. Л. 1–30). Копии были выполнены по предложению И. Е. Евсеева, после того как на заседании ОЦИАО постановили «для отдела икон, имеющихся в музее... приобрести копии с типичных образцов, существовавших на Руси (5) иконописных школ – византийской, новгородской, строгановской, суздальской и фряжской, при чем указал, что таковые иконы могут быть изготовлены в Московском Строгановском училище» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 263).

ОЦИАК проводил церковно-археологические чтения, на которых члены общества представляли фотографии, выполненные ими во время обследований собраний икон региональных храмов. Следует отметить, что в 1910 г. преосвященным Александром (викарный епископ Елецкий в составе Орловской епархии) было рекомендовано духовенству «обратить особое внимание (на) хранимые в церквях древние иконы и вещи, сделать их описание, снять, где окажется возможным на фотографии, и как описание, так и фотографии, оставить в одном экземпляре при церкви, а вторые экземпляры доставить в Общество... иконы и древности лежат как хлам... передавать в Древлехранилище ОЦИАО ...добавить и исправить церковные летописи рассказами старожилов» (Отчет о деятельности Орловского Церковного Историко-Археологического общества за 1910, 1911 и 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 29. 1913. С. 834–835).

Наибольшее количество фотографий, фиксирующих археологические и художественные древности из собрания Музея ОЦИАО, выполнил П. С. Ткачевский, но также фотографии выполняли и другие члены общества. Так, член общества В. Р. Апухтин на церковно-археологических чтениях демонстрировал «фотографические снимки с церквей, икон и рукописей» (Предстоящие Церковно-Археологические чтения // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1902. С. 1779). В 1905 г. соборный протоиерей О. В. Рязанов из Дмитровска передал на заседании ОЦИАК две фотографии, сделанные «с древней иконы святителя Николая из церкви села Столбово, уцелевшей от упраздненного в 1763 г. Николаевского Столбовского мужского монастыря» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 1/2. 1905. С.31). Отметим, что точной атрибуции и датировки этой местнотимой иконы так и не было произведено. Согласно местной легенде икона в Столбово обретена была в 1134–1135 гг. Согласно надписи на обороте иконы, скопированной и опубликованной Г. М. Пясецким, обретение иконы произошло позднее: «В лето от Рождества Христова 1334 г. явилась сия чудотворная икона Святителя Христова Николая в уезде Севском, в стану Глодневском, в Комаричах, над рекою, зовомую Ибуш, на столбе дубовом, в Нерусских лесах, невидимую силою Божию, идеже на том самом месте и поныне значится каменный столб» (Историческое описание церквей и приходов Карачевского и Дмитровского уездов / Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии (издание Орловского Церковного историко-археологического общества). Т. I. Орел, 1905. С. 386–390). Краевед Г. М. Пясецкий

приводит запись церковной летописи (повести) о том, что икона явилась при тех же обстоятельствах в 1626 г. в месте, где был построен деревянный храм, который потом сгорел. На пожарище икона св. Николы была снова обретена и поновлена в 1760 г. (Пясецкий Г.М. История Орловской епархии. Орел, 1899. С. 125–126). Удивляет несколько зафиксированных в литературе дат обретения иконы, по которым нельзя предположить даже, была ли икона «св. Никола Столбовской» древнерусской или поздней русской традиции. К сожалению, фотографии данной иконы из Музея ОЦИАО не сохранилось (находка дореволюционного фотоизображения помогла бы сделать вывод о примерной датировке иконы). К изучению истории бытования иконы из Столбово несколько раз обращались исследователи ОЦИАО. А. Е. Поповым была даже высказана гипотеза, не поддержанная другими членами, что Столбово – древнерусский центр, более древний, чем Мценск (уп. 1147 г.), связанный с миссионерской деятельностью священномученика Кукши Печерского. Главным аргументом здесь выступала местная легенда о том, что «в селе Столбове хранится древняя икона, современная св. Кукше, имеющая надпись, что она явилась в 1134 г.» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества за 1910, 1911 и 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 26. 1913. С. 779).

В Музей ОЦИАО в 1905 г. из Казанской (Знаменской?) церкви (исходя из указанного в источнике храмового праздника; современный Болховский район Орловской области) поступили «7 фотографических снимков древних икон из церкви села Гнездилово Ближнее» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 263). По всей видимости, упомянутые семь икон входят в состав перечисленных святынь данной старинной церкви в издании ОЦИАО 1905 г., а именно: «главная святыня храма – небольшая (4 x 3 ½ вершка, т. е. 17,6 x 15,4 см) икона Казанской Божией Матери. По преданию, она была найдена первыми поселенцами (М. Комова: т. е. в XVIII в., т. к. первое упоминание в 1749 г.) на дереве, росшем на месте храма. ...В честь Казанской иконы Богоматери праздник этот и доселе остается престольным праздником храма... (этой иконы) помещенной по левую сторону царских врат (иконостаса); ...запрестольная икона Тихвинской Божией Матери, написанная на тяжелой доске с резным золоченым венчиком вокруг лика Богоматери, на обратной стороне – изображение св. Александра Свирского. Икона Знамения Божией Матери, поставленная на месте храмовой иконы; наверху иконы значится такая надпись: Точное изображение и мера чудотворного образа Знамения Пресвятой Богородицы в Велице Новограде писал новоградский свидетельствованный поп Георгий 1725 г.; святцы-складень с изображением двенадцатых и других больших праздников (от времени сильно попорчены); старинные царские двери (Комова М.А.: местного ряда старинного иконостаса первой половины – середины XVIII в., исходя из стиля), вырезанные из цельных дубовых досок с рельефным изображением Благовещения и 4 евангелистов, в 1885 г. эти двери были сняты со своего места и помещены в куполе, против иконостаса; икона Нерукотворного образа (5 x 4 четверти, т. е. 30 x 24 см) с 4 изображения из истории события; икона-картина Ангела Хранителя, покрывающего своим заступлением праведника, написанная в виде 17 отдельных сцен; изображение Распятия Христова; эта картина особенно оригинальна: над крестом чистая тьма в виде ленты; над тьмой два красных шара с человеческим лицом с надписью «Солнце» и «Луна», еще выше Бог-Отец, благо-

словающийся обеими руками и притом 2-перстным сложением; около креста – с правой стороны Богоматерь и Жены мироносицы, с левой – св. Иоанн Богослов и сотник Лонгин с двуперстносложенной рукой для крестного знамения по краям 11 изображений Страстей Господних... (Комова М.А.: иконография «Плоды страданий Христовых», получившая распространение в русском искусстве с конца XVII в.); изображение на боковых алтарных дверях св. архидиаконов Стефана и Филиппа почти в полный рост; местный образ Спасителя (местный ряд иконостаса); икона Господа вседержителя; икона Боголюбской Божией Матери (Богомладенец изображен благословляющим двумя перстами). Есть еще несколько старинных икон, писанных в древнерусском и византийском стиле, как например, икона Казанской Божией Матери (известная здесь как «Божия Матерь с паперти»)» (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 28–30). В данном перечне приведены 10 икон (не считая отличавшихся особой художественной ценностью старинных икон, входивших в состав местного ряда иконостаса данного храма). К сожалению, фотографии этих региональных художественных ценностей не сохранились, и их перечень восстанавливается только по изданию ОЦИАО.

Обратимся к сохранившейся дореволюционной фотографии, на которой зафиксирован зал с собранием церковной скульптуры (Фонды Орловского Епархиального музея им. священномученика Серафима (Остроумова). Книжное собрание. Альбом «Выпуск Орловской Духовной Семинарии. 1912–1913 гг.». Л. 3). На фотографии, которую сопровождает надпись чернилами «Церковно-Истор. – Археологический Музей (при Архиерейском доме)», видны 11 полноростовых скульптур и один рельеф с ликом Христа (оглавно). Детальным исследованием данной фотографии, не раз скопированной, известной и по другим альбомам и фондам, специалисты не занимались. Рассмотрим эту фотографию. Слева направо размещены: женская фигура в рост (одна из жён-мироносиц?); сидящая мужская фигура с веревками на запястьях (скульптура «Христос в темнице»); опирающаяся на предыдущую скульптуру небольшая мужская фигура в рост с утраченными руками (фигура Христа с Распятия из композиции «Голгофа»); женская фигура в рост в платке, концы которого закинута за плечи, с левой рукой на груди, правой – держащей складку длинной одежды, изображенная по колено (Богоматерь или Мария Магдалина из левой части композиции «Голгофа»); мужская фигура в рост с прядями волос по плечи, с левой рукой на груди, правой – держащей складку длинной одежды, изображена по колено (Апостол Иоанн Богослов из композиции «Голгофа»); у ног данной скульптуры помещен высокий рельеф в академической стилистике с крупной головой Христа, обращенной вправо, в овальном медальоне-углублении, на оставшихся треугольных выступках по углам рельефно выделяются буквы ИИЦИ («Иисус Назаретянин Царь Иудейский»); значительно более высокая, чем остальные, женская фигура в длинном платье-хитоне и длинном античном головном уборе-мафории, прикрывающем плечи с платком поверх, концы которого лежат впереди, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта (мученица Параскева Пятница, предположительно из региональной Пятницкой часовни на торгу); первая небольшая мужская фигура – епископа в архиерейских одеждах, без головного убора, в рост, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта, расположена на деревянной тумбе (скульптура «Никола Можайский»); вторая небольшая мужская фигура – епископа в архиерейских одеждах, без го-

ловного убора, в рост, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта, расположена на деревянной тумбе (скульптура «Никола Можайский»); сидящая мужская фигура с правой рукой, подпирающей голову (скульптура «Христос в темнице»); небольшая женская фигура в рост с распущенными длинными волосами, в набедренной повязке, с непокрытыми ногами, упирающимися в деревянную подставку (фигура Марии Магдалины из композиции «Голгофа»); крупная мужская фигура в рост, в набедренной повязке, с утраченными руками (фигура Христа с Распятия из композиции «Голгофа»). Высота изображенных на фотографии скульптур меньше среднего человеческого роста (только скульптура «Параскева Пятница» чуть более 150 см). Находившаяся в дореволюционной экспозиции русская деревянная скульптура «Мученица Параскева Пятница» могла происходить из Успенского собора г. Кромь. Именно на нее обратили внимание еще в 1905 г. исследователи ОУАК, когда публиковали перечень святынь из кромских храмов (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 446).

На вышеприведенной фотографии экспозиции Музея ОЦИАО находятся две композиционных группы храмовых деревянных скульптур «Голгофа»: первая (небольшого формата) – Распятый Христос, Богоматерь, Иоанн Богослов; вторая – Распятый Христос, жена-мироносица и Мария Магдалина (утрачены скульптуры Богоматери и Иоанна Предтечи). Подобные композиции в церковной культуре XVIII в. состояли из нескольких фигур, число которых могло доходить до семи. Фигуры размещались на разных уровнях вокруг Распятия на едином основании, изображающем каменную поверхность горы Голгофы. Более ранние варианты такой композиции (обычно из трех центральных фигур) становились навершием высоких иконостасов в русских храмах эпохи барокко. Стилистика этих скульптур, исходя из трактовки складок тканей, жестов рук, также относится к провинциальной культуре барокко. К более раннему периоду XVII в. можно отнести небольшие скульптуры, изображающие «явленную» в Можайске резную икону св. Николая. На данных скульптурах отсутствуют традиционные детали: меч в правой руке и изображение крепости (или отдельно храма – в более поздних вариантах). Эти скульптуры первоначально находились в специальных киотах, отсюда получили название «киотные». Их наличие в Орловской епархии связано с особым почитанием образа Николая Можайского Ратного и посвящение ему нескольких часовен и храмов (Никольский собор во Мценске, Никольская часовня в Орле, церковь Николая Ратного в Ливнах). Один из музейных экспонатов – старинная русская деревянная скульптура Николая Можайского – мог происходить из монастырской каменной Никольской часовни, находившейся на берегу реки у Красного моста в Орле. Отсутствие изображения митры на правой скульптуре, крупная голова с условно переданными деталями, с декоративным нимбом-диском, прикрепленным к затылку, условная трактовка туловища с короткими руками без сгибов и одежд без складок относят данную скульптуру к провинциальной традиции первой половины XVII в. Скульптура Николая Чудотворца справа может быть поздней копией XIX в. Откуда были вывезены данные скульптуры, в отчетах ОЦИАО не указано. «Резная» скульптура Николая Чудотворца упоминается в обнародованном археографом И. Е. Евсеевым документе, текст которого приводится в «Епархиальных ведомостях» со ссылкой на описание ее в монастырском синодике конца XVII в.: «Синодик житийный XVII–XVIII вв. Успенского орловского монасты-

ря. Рукопись 8, 63 л. С многочисленными статьями без рисунков. Л. 1 запись: Сей синодик града Орла Пречистыя и Великия Лавры, обители святыя Успения Богоматери и церкви Иоанна Предтечи, и церкви Петра и Павла. А нарисуется сей монастырь Успенской. С л. 46 вкладная запись Никиты Ивановича Акинфова: Аз многогрешный в сию святую и пречестную орловскую Успенскую обитель при причестнейшему отцу архимандриту Евфимии о вышеписанном синодике родителей моих в вечное поминовение по себе и по всех родителей своих и по всех православных отошедших света сего во оный прерадостный вечный свет приложил... (образ ре)зной поставлен в киоте в каменной монастырской часовне» (Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах // Орловские епархиальные ведомости. № 12. 1905. С. 14–15). Запись в синодике мы прокомментируем известным фактом, что скульптуры «ратного» св. Николая (с мечом и крепостью в руках) передавались высокопоставленными людьми в качестве вкладов в монастырь и вывозились из столичных царских мастерских. Особое значение имели вклады таких икон, изображающих святого защитника города, в приграничные городские или крепостные храмы или монастырские храмы и часовни. Отдельными деталями, указывающими, что в синодике описана именно такая скульптура, является упоминание киота (киотная скульптура) и наименование часовни – Никольская, в которой, соответственно, ставилась главная икона такого же посвящения (Комова, 2017, С.89–90). К сожалению, в фондах современного краеведческого музея данные скульптуры отсутствуют. Они, вероятно, не были переданы в губернский музей в 1917 г. Судьба их неизвестна.

На указанной выше фотографии Музея ОЦИАО не отражен еще один памятник поздней русской деревянной скульптуры последней трети XVIII в., который поступил в музейное собрание в 1910–1912 гг. и был привезен, согласно отчету П. С. Ткачевского, из Болховской Благовещенской церкви. В «Орловских епархиальных ведомостях» за 1913 г. опубликован «Сводный отчет ОЦИАО за 1910, 1911, 1912 гг. Продолжение». В числе прочих предметов церковной старины указываются «резные статуэтки Спасителя с предстоящими конца XVIII в. из Благовещенской церкви г. Болхова» с пометой «через П. С. Ткачевского» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). Из краткого описания понятно, что в Музей ОЦИАО поступила скульптурная группа небольшого формата «Распятие с предстоящими» (50 см по максимальной высоте), которая, вероятно, использовалась для панихидного столика. Предмет находился до 1918 г. в Музее ОЦИАО в Архиерейском доме в Орле. Далее след его теряется. В период собирания экспозиции музея митрополии в Троицкой церкви на кладбище в Орле в подсобном прихрамовом помещении обнаружена скульптурная группа небольшого формата, соответствующая описанию и атрибуции Ткачевского (конец XVIII в.). Данные статуэтки покрывает позолота поверх тонкого левкаса и полимента, что подтверждает принадлежность предмета культуре барокко и соответствует стилистике региональных иконостасов г. Болхова второй половины – конца XVIII в. (Лазарева, 2013, С. 9–10). Эта композиция, в целом повторяющая иконографию больших скульптурных «Голгоф», характерных для искусства русского барокко, о которых шла речь выше, относится к известной в русском искусстве с конца XVII в. иконографии «Плоды страданий Христовых», или «Процветший крест». В центре сохранившейся в Орле композиции представлен Иисус Христос. Шестиконечный крест, на ко-

тором Господь распят, переходит в возвышающееся каменистое основание, на фоне которого в углублении-пещере изображен рельефно череп Адама. Вверху изображается титло с надписью «ИИЦІ» (Иисус Назаретянин Царь Иудейский). В верхнем сегменте над крестом изображены три диска: на центральном – Святой Дух в виде голубя, на боковых – солнце и луна. В навершии утрачена полуфигура Саваофа в виде старца. Глава Христа поникла на правое плечо, вокруг главы – лучистый терновый венец, на бёдрах – тканевое препоясание. Средокрестье и диск с рельефным изображением Святого Духа дополнены рельефным лучистым сиянием. По обе стороны от распятия на небольших тумбах размещены слева направо предстоящие персонажи: Мария Магдалина, Богоматерь, Иоанн Богослов и Лонгин Сотник. Обнаружение данного предмета (высокой степени редкости, узнаваемого в деталях) в подсобном помещении Троицкой кладбищенской церкви в Орле указывает на то, что не все предметы из фондов Музея древностей при ОЦИАО были переданы в 1917 году в Орловский губернский музей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, изученные материалы позволяют нам восстановить более полный список собрания произведений древнерусской и поздней русской иконописи, а также русской деревянной скульптуры, которые находились в Музее Орловского церковного историко-археологического общества и которые были зафиксированы в записке П. С. Ткачевского за 1913 г. Практически все произведения, а также богатейший фотоархив с изображениями древних предметов безвозвратно утеряны после 1917 г.

Список иконного собрания Музея ОЦИАО, который удалось восстановить по материалам дореволюционной печати, следующий:

- коллекция икон (12 предметов): древняя икона «Воскресение Христово» в металлической ризе, 4 x 4 вершка (17,6 x 17,6 см), не ранее XVII в.; шитая икона «Благовещение (Богородице)»; икона Богоматери «О тебе радуется», не ранее конца XVII в. (древняя копия знаменитой иконы С. Ушакова); икона «Св. Стефан Сербский», написана на камне, не ранее XV в.; икона Божией Матери западного типа, XVII–XVIII вв.; икона «мученики Флор и Лавр, покровители лошадей», древнерусское письмо; икона «Тайная вечеря» (со Спасителем и 12 апостолами, поздняя русская иконописная традиция, дар Н. А. Павловского); икона «Успение Богоматери» Палех, конец XVIII в. (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Ткачевского); образ Спасителя, «писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба» (от прот. Ильи Ливанского); икона Богоматери «Корсунская», монастырское письмо (позднее русское живоподобие), вторая половина XVIII в. (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Ткачевского); икона Божией Матери на дереве в басменном окладе, XVII–XVIII вв. (от В. И. Чичерова); древняя икона «св. Иоанн Предтеча» (от Г. Комягинского);

- коллекция русской деревянной скульптуры XVII–XIX вв. (15 предметов): крест-канунник с предстоящими «Плоды страданий Христовых, или Процветший крест», конец XVIII в. (происхождение: Болхов, Благовещенская церковь, сохраняется в новом епархиальном музее); скульптурная группа «Голгофа» небольшого формата, XVIII в. (Христос с «Распятия», одна из жен-мироносиц, Мария Магдалина?), скульптурная группа «Голгофа» среднего формата, XVIII в. (Христос с «Распятия», Богоматерь и апостол Иоанн Богослов); крупноформатная скульптура

«Христос в темнице»; скульптура «Христос в темнице»; древнерусская киотная скульптура «Мученица Параскева Пятница», XVII–XVIII вв.; древнерусская киотная скульптура «Никола Можайский», первая половина XVII в. (первая); киотная скульптура «Никола Можайский», XIX в. (вторая); горельеф «Голова Христа. Иисус Назаретянин Царь Иудейский», XIX в. (крупноформатный медальон в академической стилистике); резная икона (барельеф) «Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому», XIX в., Сергиев Посад; паломническая резная икона (барельеф) «Великомученица Варвара», XIX в., Киев (происхождение: Никитско-Ахтырский собор, г. Орёл; сохраняется в новом епархиальном музее);

- произведения древнерусской и византийской пластики (литье, резьба по камню) (10 предметов): литая икона «Мученик Никита», XIV в. («литой образок», 42 x 38 мм); крест-энколпион, скульптурная голова святого «с нимбом», икона-рельеф из воскомастики «Преподобные Антоний и Феодосий Печерские» (предметы из археологической коллекции А. Н. Шульгина); змеевик из красной меди, 2 энколпиона, первая половина XII в. (происходят из древнерусского г. Вщиж); две каменных резных камеи (античность, раннее Средневековье, Византия?); крест дочери царя Михаила Федоровича великой княжны Татьяны Михайловны (первая половина XVII в.);

- коллекция фотодокументов и авторской графики ОЦИАО (фотографии, рисунки местночтимых икон – 11 фотографий): фотография иконы «Никола Столбовской», XI–XIV вв. (Севск-Дмитровский); фотография иконы Богоматери «Взыскание погибших», 1707 году (Болхов); 7 фотографий икон из Казанской (Знаменской) церкви из села Ближнее Гнездилово Болховского уезда Орловской губернии (иконы из выборки предметов, приведенных в источнике ОЦИАО: икона Богоматери «Казанская», до 1749 г.; запрестольная икона Богоматери «Тихвинская» с изображением на обороте св. Александра Свирского; икона «Знаменье Пресвятой Богородицы Новгородское», иконописец поп Георгий, 1725 г.; старинный складень «Святцы с изображением двенадцатых и других больших праздников»; старинные царские двери с рельефным изображением Благовещения и 4 евангелистов, XVIII в.; икона «Спас Нерукотворный» (30 x 24 см) с 4 изображениями из истории события; икона «Ангел Хранитель в деяниях (17 отдельных сцен); живописная икона «Распятие Христово со сценами 11 страстей Господних»; диаконские парные двери местного ряда иконостаса «Св. архидиаконы Стефан и Филипп»; местный образ Спасителя (местный ряд иконостаса); икона «Спас Вседержитель»; икона Богоматери «Боголюбская»; местночтимая икона Богоматери «Казанская» (известная здесь как «Божия Мать с паперти»); «собственноручный рисунок иконы (хоругви) Грузинской Божией Матери» (А. Н. Шульгин); образ священномученика Кукши Печерского (начало XX в.).

В результате проведенного исследования архивных источников и дореволюционной печати выявлено 37 предметов и 11 фотографий, наименования которых, а в ряде случаев датировка и стиль нам известны.

Отметим, что в составе коллекции Музея ОЦИАО не было списков с местночтимых икон Богоматери и святых (Орловской Балыкинской, Болховской Тихвинской, Белобережской, Чолнской, Молченской, Одринской и других), а также копий русских деревянных скульптур «Никола Мценский» и «Никола Болховский». Акцент в сборе памятников ставился не на редкой иконографии, а на исторической достоверности и древности предметов. Основное внимание собирате-

лей коллекции для Музея ОЦИАО было направлено на древние предметы религиозного назначения и иконы, чей стиль относится к традиционным русским иконописным школам, реже – на произведения поздней русской иконописи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уточненный в данном исследовании перечень предметов дореволюционного Музея Орловского церковного историко-археологического общества включает, кроме старопечатных и рукописных книг, предметов русского быта и археологии, древнерусские и поздние русские иконы, русские деревянные скульптуры, меднолитую пластику религиозного содержания, а также перечень фотографий предметов из собрания. Восстановленный перечень позволит надеяться на возможное выявление части сохранившихся предметов из Музея ОЦИАО в фондах орловских музеев и в собраниях храмов Орловской митрополии. При сравнении с известным списком предметов Музея ОЦИАО, включающим произведения иконописи и скульптуры, подготовленного в 1910 г. П. С. Ткачевским, полученных автором в данном исследовании результатов становится очевидным, что список Ткачевского неполный, так как он завершается 1910 г., а музейное собрание комплектовалось до конца 1917 г. И даже в списке П. С. Ткачевского 1910 г. отсутствуют предметы, которые перечисляются на заседаниях ОЦИАК и ОЦИАО как подаренные, выкупленные или переданные из предыдущего собрания «древле-хранилища» при семинарии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарность митрополиту Орловскому и Болховскому преосвященному Тихону (Доровских), предоставивших доступ к исследованию собраний иконописи и скульптуры, находящихся в действующих храмах Орловской и Болховской епархии.

Список литературы:

1. Антонова, М. В. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» / М. В. Антонова, М. А. Комова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 185–187. – EDN VHRYEY.
2. Ашихмин, И. Л. Особенности музейного дела в Орловском крае в 20-е годы XX века / И. Л. Ашихмин // Новейшие исследования в области истории и педагогики: Материалы II Международной научной конференции, Орёл, 26 апреля 2022 года / Редколлегия: И.Е. Воронкова (и др.). – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. – С. 78–89. – EDN YNESZR.
3. Ашихмин, И. Л. Становление музейного дела в Орловской губернии в 20-е годы XX века / И. Л. Ашихмин // Роль и место советского государства в мировой истории: опыт, наследие и взгляд в будущее (к 100-летию образования СССР): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 17 апреля 2022 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. – С. 26–33. – EDN EZUYUZ.
4. Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи / Г.И. Вздорнов. – Москва: Индрик, 2006. – 411 с.
5. Голотвин, А. Н. К истории археологического изучения Липецкой области: работы П.С. Ткачевского в Усманском районе / А. Н. Голотвин // Верхнедонской археологический сборник: Сборник статей / Отв. редакторы А.А. Бессуднов, Е.Ю. За-

харова. Выпуск 11. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 452–467. – EDN PXYJKD.

6. Жарков, М. А. История Орловской епархии / М. А. Жарков, В. А. Ливцов, А. В. Лепилин. – Орёл: Издательский дом «Орлик» и К, 2007. – 240 с. – EDN ZCGSHL.

7. Комова, М. А. Иконное наследие Орловского края XVIII–XIX веков / М. А. Комова; М. А. Комова; Орловский гос. ун-т. – М.: Индрик, 2012. – ISBN 978-5-91674-183-4. – EDN QWCNGF.

8. Комова, М. А. Русская деревянная скульптура «Никола Мценский»: Сказание, иконография, стиль / М. А. Комова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 2 (100). – С. 88–90. – EDN YNCWOT.

9. Лазарева, Т. В. Алтарные преграды храмов Центральной России Нового времени. Монография. Серия: Научная мысль. 244 с.

10. Ливцов, В. А. История Орловской духовной семинарии / В. А. Ливцов // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур: материалы Международной научно-практической конференции, Орёл, 30 ноября – 2017 г. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2019. – С. 94–100. – EDN QIAMLG.

11. Ливцов, В. А. Православное наследие России: ритуалы и обряды, искусство и богословская мысль / В. А. Ливцов, М. А. Комова, Р. А. Богатырев // Энциклопедия нематериального культурного наследия России: Посвящается Году культурного наследия народов России / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. – М.: Институт Наследия, 2022. – С. 79–100. – EDN CERBDC.

12. Поляков, Г. П. Музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе (по докладу П.С. Ткачевского от 27 августа 1910 г.) / Г. П. Поляков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2 (40). – С. 53–57. – EDN OGGKGET.

13. Поляков, Г. П. Церковные историко-археологические музеи Орловской епархии в начале XX века / Г. П. Поляков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2 (15). – С. 171–175. – EDN OKKZAZ.

14. Свешникова, Е. Е. Из истории формирования музейной сети в Орловской губернии в 1917–1920 гг. / Е. Е. Свешникова // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1 (3). – С. 86–93. – EDN OOAUAB.

15. Свешникова, Е. Е. Особенности формирования Орловского губернского музея / Е. Е. Свешникова // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Забелинские научные чтения – 2004 / Государственный Исторический музей. – М.: Тиссо-Полиграф, 2005. – С. 378–384. – EDN YQJKHN.

Сведения об авторе:

КОМОВА Марианна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, e-mail: marianna.orel@mail.ru, SPIN-код: 5766-6602, AuthorID: 649048; <https://orcid.org/0009-0004-3618-0661>

References:

1. Antonova, M. V. and Komova, M. A. (2015) Problems of textual criticism of «The Tale of the Conception of the Svensky Monastery». *Bulletin of Bryansk State University*. no. 3. P. 185-187. (In Russ.). EDN VHRYEYV.
2. Ashikhmin, I. L. (2022) Features of museum business in the Orel region in the 1920 p. *The latest research in the field of history and pedagogy: Proceedings of the II International Scientific Conference*, Orel, April 26, 2022. Editorial board: I.E. Voronkova (et al.). Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, P. 78-89. (In Russ.). EDN YNESZR.
3. Ashikhmin, I. L. (2022) Formation of museum business in the Orel province in the 1920 p. *The role and place of the Soviet state in world history: experience, legacy and a look into the future* (on the 100th anniversary of the formation of the USSR): materials of the All-Russian scientific and practical conference, Orel, April 17, 2022. Kursk: Closed Joint-Stock Company «University Book», Pp. 26-33. (In Russ.). EDN EZUYUZ.
4. Vzdornov, G. I. (2006) *Restoration and science. Essays on the history of the discovery and study of ancient Russian painting*. Moscow: Indrik, 2006. 411 p. (In Russ.).
5. Golotvin, A. N. (2019) On the history of the archaeological study of the Lipetsk region: works of P.S. Tkachevsky in the Usman region. *Verkhnedonskaya archaeological collection: Collection of articles* / Responsible. editors A.A. Bessudnov, E.Yu. Zakharova. Issue 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, pp. 452-467. (In Russ.). EDN PXYJKD.
6. Zharkov, M. A. et al. (2007) *History of the Orel diocese*. Orel: Publishing house "Orlik" and K, 240 p. (In Russ.). EDN ZCGSHL.
7. Komova, M. A. et al. (2012) *Icon heritage of the Orel region of the 18th-19th centuries*. Orel State un-t. M.: Indrik. ISBN 978-5-91674-183-4. (In Russ.). EDN QWCNGF.
8. Komova, M. A. (2017) Russian wooden sculpture "Nikola Mtsensky": Legend, iconography, style. *Bulletin of Novgorod State University*. no. 2 (100). P. 88-90. EDN YNCWOT. (In Russ.).
9. Lazareva, T. V. Altar barriers of temples of Central Russia of the New Time. Monograph. *Series: Scientific Thought*. 244 p. (In Russ.).
10. Livtsov, V. A. (2019) History of the Orel Theological Seminary. «Image» of religion: religious education in the diversity of religious cultures: materials of the International scientific and practical conference, Orel, November 30, 2017. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, P. 94-100. (In Russ.). EDN QIAMLG.
11. Livtsov, V. A. et al. (2022) Orthodox heritage of Russia: rituals and ceremonies, art and theological thought. *Encyclopedia of the intangible cultural heritage of Russia: Dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia* / Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhacheva. M.: Institute of Heritage, P. 79-100. (In Russ.). EDN CERBDC.
12. Polyakov, G. P. (2011) Museum of Church Antiquities at the Orel Church Historical and Archaeological Society (based on the report of P.S. Tkachevsky dated August 27, 1910). *Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. no. 2 (40). P. 53-57. (In Russ.). EDN OGKGET.
13. Polyakov, G. P. (2010) Church Historical and Archaeological Museums of the Orel Diocese at the Beginning of the 20th Century. *Central Russian Journal of Social Sciences*. no. 2 (15). P. 171-175. (In Russ.). EDN OKKZAZ.

14. Sveshnikova, E. E. (2011) From the history of the formation of the museum network in the Orel province in 1917–1920. *Questions of Museology*. no. 1 (3). P. 86–93. (In Russ.). EDN OOAUAB.

15. Sveshnikova, E. E. (2005) Features of the formation of the Orel Provincial Museum. *Historical Museum – Encyclopedia of Russian History and Culture: Zabelinsky Scientific Readings – 2004*. State Historical Museum. M.: Tissot-Poligraf, P. 378–384. (In Russ.). EDN YQJKHN.

Authors:

KOMOVA Marianna A., Candidate of Art History, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, e-mail: mariamna.orel@mail.ru, SPIN-код: 5766-6602, AuthorID: 649048, <https://orcid.org/0009-0004-3618-0661>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.